

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

Т.Н. ЗАСЛАВСКАЯ,
М.А. ШАБАНОВА

Социальные механизмы трансформации неправовых практик*

Сущность и особенности трансформационных процессов

Под трансформационным процессом мы понимаем постепенное и относительно мирное (не связанное с радикальной сменой правящих элит), но вместе с тем глубокое и относительно быстрое *преобразование социетального типа, или социальной природы, общества*, обусловленное в первую очередь не внешними факторами, а внутренними потребностями системы. Социальными агентами этого процесса являются, с одной стороны, правящая элита с примыкающей к ней высшей бюрократией, а с другой - социально зрелая, дееспособная и активная часть массовых общественных групп, в первую очередь средних слоев. Остальная часть общества оказывает влияние на его преобразование преимущественно через выбор личных адаптационно-поведенческих стратегий. Характерная особенность социально-трансформационных процессов - длительность и глубина аномии, вызываемой опережающим разложением старых институтов по сравнению со становлением новых. Кроме того, их отличают важная роль стихийных факторов, слабая управляемость, непредрешенность конечных итогов.

Понятие *социетальный тип общества*, на наш взгляд, синонимично *общественному устройству*, эмпирическим референтом которого служит *тип институциональной структуры*. Прямой и главный результат трансформационного процесса - *качественное преобразование базовых институтов общества*. Однако взятое само по себе, оно представляет, скорее, внешний показатель социальной трансформации. Более глубокий результат этого процесса - изменение классовой структуры и со-

* Авторы выражают благодарность программе "Социальная политика: реалии XXI века" Независимого института социальной политики за поддержку в работе над проектом (грант № SP-O1-1-11). Программа финансируется за счет средств Фонда Форда.

З а с л а в с к а я Татьяна Ивановна - академик, сопредседатель Междисциплинарного академического центра социальных наук (Интерцентра), заведующая кафедрой Московской высшей школы социальных и экономических наук.

Ш а б а н о в а Марина Андриановна - доктор социологических наук, профессор Государственного университета - Высшая школа экономики, научный сотрудник Интерцентра.

циальной стратификации общества. Институциональная структура расположена ближе к поверхности общественной жизни, носит более явный характер и, соответственно, более управляема. Напротив, социально-групповая структура более скрыта, латентна, но именно ее изменение является подлинной целью социальных преобразований.

Не менее важный, но трудно доступный критерий трансформации - направление социокультурных сдвигов, показывающее, ведет ли этот процесс к обновлению, модернизации общества или же к его деградации. Ни социальная структура, ни тем более социальная культура не приемлют прямых способов управления. Преобразовать их можно лишь косвенными путями, через реформирование базовых институтов. В этом смысле институциональную структуру общества можно назвать *ведущей*, а социальную и социокультурную - *ведомыми*. В этой статье мы рассматриваем современный трансформационный процесс в России, прежде всего, как *процесс изменения институциональной структуры общества*, неизбежными последствиями которого выступают сдвиги в его социальной структуре и культуре.

Институциональные изменения и проблема неправовых практик

Ожидания демократической части общества по отношению к перестройке и последовавшим за ней реформам были связаны с приданием институциональной структуре российского общества таких социальных качеств, как правовой характер, демократичность и эффективность государственной власти; развитость, легитимность и защищенность частной собственности; многообразие и зрелость структур гражданского общества; широта прав и свобод человека, надежность обеспечивающих их гарантий.

Процесс социальных преобразований начался с провозглашения властями новых экономических и политических прав граждан. Многие из этих прав к настоящему времени стали неотъемлемым элементом институциональной системы российского общества, приближая ее (по крайней мере по форме) к западной. В самом деле, появилась возможность создать свое дело и вести его на свой страх и риск, возникли право частной собственности на средства производства, а также право производителей самим определять объемы производства, цены на продукцию, размеры заработной платы. Примерно две трети предприятий стали частными. Сегодня не нужно особых разрешений с места основной работы, чтобы устроиться на работу еще и в других местах. Покончено с обязательным для всех трудом и преследованием за тунеядство. Стало возможным приватизировать квартиру, хранить сбережения в иностранной валюте и в негосударственных банках. Упростился выезд за рубеж, в том числе и для работы там. Провозглашено право на забастовки, митинги, акции протеста. Разрешены платные медицина и образование.

Преобразование экономических институтов сопровождалось изменением институтов политических. Обычными стали выборы на альтернативной основе, произошла территориальная децентрализация управления, были сделаны некоторые шаги в сторону плюрализации СМИ и создания свободных ассоциаций граждан. Ушла в прошлое необходимость членства в КПСС для успешной карьеры.

Вместе с тем внедрение новых прав происходило чаще всего в *неправовом социальном пространстве*. За годы реформ оно настолько расширилось, что для большинства стало более реальным, чем правовое. По нашим данным, только 1,5% респондентов трудоспособного возраста за последние 3-4 года не сталкивались с нарушением своих прав. Причем большая часть (42%) указали, что в современных условиях их законные права нарушаются чаще, чем до реформ (26% - что примерно так же и только 5% - что реже)¹. Особо неблагоприятно и важно для осмысления сути

¹ Здесь и далее приводятся данные серии репрезентативных социологических обследований, проведенных в городской и сельской местности Новосибирской области и Алтайского края.

современного трансформационного процесса в России то, что основными субъектами, нарушающими права граждан, являются власти разных уровней (их назвали 89% респондентов). Противодействие им со стороны рядовых россиян в 3/4 случаев признается бесполезным и небезопасным, а эффективным оно бывает редко (в 3-14% случаев). В этих условиях многие граждане также используют доступные неправовые способы адаптации к новым условиям. Причем 42% опрошенных считают такие способы более эффективными, чем правовые (29% уверены в обратном).

Иными словами, население адаптируется не только к возникновению новых прав и свобод, предполагающих рост самостоятельности и независимости. Одновременно оно приспосабливается и к существенно расширившемуся за годы реформ *неправовому пространству*, которое сегодня пронизывает, по существу, все основные сферы общества, приобретая все более неприкрытый характер.

Неправовые действия - важный канал становления новых социальных неравенств, мощный барьер, стоящий на пути приспособления к новым условиям одних индивидов, и (как правило, остающийся безнаказанным) способ нелегитимного продвижения других. Существенное повышение массовости и устойчивости *неправовых социальных действий*, по сути, означающее их превращение в *неправовые практики*, придает либеральным по форме правам принципиально иное социальное содержание. Широкое распространение и укоренение таких практик оказывается одним из важных препятствий к реализации как либерального, так и социал-демократического сценариев трансформации российского общества.

Согласно западной традиции, "свобода есть право делать то, что дозволено законами" (Ш.Л. Монтескье), и граждане "должны стать рабами закона, чтобы быть свободными" (М.Т. Цицерон). В России же одной из характерных черт не только практики, но и общественной мысли в течение долгих лет было пренебрежительное и даже отрицательное отношение к праву. "Не я виноват, - писал В. Ключевский. - что в русской истории мало обращаю внимания на право: меня приучила к тому русская жизнь, не признававшая никакого права" [Ключевский, 1993, с. 68]. Действительно, в глазах славянофилов право было лишь "внешней правдой", заменяющей человеческую совесть полицейским надзором. А. Герцен рассматривал неуважение к праву как историческое преимущество русского народа, свидетельство его внутренней свободы и способности построить новый мир. Русские анархисты считали право, наряду с государством, инструментом прямого насилия и т.д. [Валицкий, 1991].

Правовой беспредел царит и в современной России. По сравнению с дореформенным периодом, разница состоит разве что в расширении свободы слова и права граждан на достоверную информацию о состоянии дел в стране, включая сведения о произволе и беззаконии в разных сферах общественной жизни и на разных уровнях иерархии. Однако высокая информированность не исключает правовой беспомощности. Вот один из типичных ответов на открытый вопрос анкеты, посвященной *неправовым практикам*: "Мы теперь все знаем: кто сколько своровал, кто взятку взял, кто войну начал, но знаем и то, что за это никого не наказывают". Новое институциональное пространство российского общества буквально пронизано *правом сильного*.

Многие исследователи выражают тревогу по поводу глубокого разрыва между административно-правовой и социокультурной составляющими российских институтов. Отмечается, что новые законы и нормы нередко остаются на бумаге, реальные же практики развиваются так, как если бы этих норм не было [Трансформация... 2000: Шабанова, 2000; Теневые... 1999; Неформальная... 1999]. Фиксируется растущая роль *теневых правил и норм* в экономике, политике и других сферах общественной жизни [Рывкина, 1999; Клямкин, Тимофеев, 2000]. Утверждается, что доминирование *неформальных отношений над формальными регуляторами* - главная черта, отличающая Россию от стран Центральной и Восточной Европы, и главная причина неуспеха реформ [Капелюшников, 2001].

Чем же объясняется столь широкое распространение *неправовых социальных практик* и насколько прочно они укоренены в институциональном пространстве

России? Является ли их расширение лишь неизбежным временным спутником кардинальных реформ или в нашем случае они получили особое, экстраординарное развитие? Если верно первое, то попытки власти ослабить (а тем более - искоренить) неправовые практики "здесь и сейчас" обречены на провал, и обществу не остается ничего другого, кроме как терпеливо дожидаться лучших времен. Если же справедливо второе, то наибольшую важность представляют вопросы о социальных корнях и механизмах воспроизводства и трансформации старых, а также возникновения, распространения и укоренения новых неправовых практик. Необходимо исследовать как факторы, этому способствующие, так и меры экономической и социальной политики, которые могут воспрепятствовать развитию негативных процессов.

Ответ на поставленные вопросы зависит от осмысления *взаимосвязи* современных неправовых практик с формальными и неформальными институциональными изменениями, реально происходящими в российском обществе. Эту взаимосвязь мы хотели бы рассмотреть сквозь призму тех социальных действий, которые в современных условиях предпочитают или вынужденно осуществляют социальные акторы, действующие на разных уровнях трансформационного процесса. Причем с точки зрения интересующих нас механизмов, особую важность представляют взаимодействия акторов, располагающих *разными социальными ресурсами*, имеющих *разные интересы* и играющих в общем процессе трансформации общества качественно *разные роли*. В связи с этим важно определить, что именно мы имеем в виду, говоря о неправовых практиках, уровнях трансформационного процесса и типах действующих на этих уровнях акторов.

Определение основных понятий

В самом общем виде **неправовые практики** можно определить как совокупность устойчивых и массовых социальных действий (взаимодействий), связанных с нарушением акторами разных уровней *норм права*. Но что понимать под нормами права? Общеобязательные правила, которые устанавливаются государством и охраняются его силой? Это, бесспорно, важное отличие права от других нормативных систем (морали, религии и др.). Но тогда нужно признать, что власти в своей нормативной деятельности действуют исключительно в рамках права и не могут принимать неправовых законов, которые впоследствии будут обязательными для рядовых граждан. Тогда нужно будет признать и общеобязательность многочисленных указов, постановлений и распоряжений властей, в том числе и тех, которые противоречат законам. Во всех этих случаях рядовым гражданам ничего не остается, как воплощать на практике нормативно-властные предписания, в том числе законы, не основанные даже на видимости права, а также указы-распоряжения, идущие вразрез с принятыми законами. При таком подходе право, закон, указ, по существу, отождествляются друг с другом, и речь идет лишь о реализации права, санкционированного государством.

Иная доктрина права сложилась в либеральной концепции правопонимания с ее разграничением права и закона, делением законов на правовые и антиправовые, признанием нелегитимности неправового закона; учетом различий в восприятии одних и тех же законов разными социальными группами в качестве правовых или неправовых [Лившиц, 1995; Малеин, 1995; Завадская, 1992; Нерсисянц, 1992]. Преодолевая отождествление права и закона, либеральная концепция правопонимания предлагает рассматривать право как социальное явление, независимое от воли и произвола законодателя, обладающее собственной природой и базирующееся на собственном принципе. Речь идет о принципе формального равенства, предполагающем свободу индивидов как субъектов права и трактующем право как всеобщий масштаб и равную меру свободы индивидов (т.е. меру общезначимую и одинаковую для всех людей). Исполнение под принуждением государства неправового закона (например, противоречащего Конституции или нарушающего права и свободы человека и гражданина) есть узаконенный произвол [Малеин].

Согласно либеральной концепции правопонимания, право нельзя "отменить", государство может лишь не признать его. Гражданское общество стремится утвердить свое понимание права в законах через создание определенных инструментов влияния на власть. Проблема реализации права рассматривается данной концепцией не как традиционное воплощение на практике нормативно-властных предписаний. Она понимается как перевод "права, которое существует в гражданском обществе независимо от закона, от государства, во властных нормативные структуры", как обучение личности, социальной группы, нации, гражданского общества в целом пользованию своими правами, как исключение условий неправового, неконтролируемого обществом ограничения прав и свобод, нанесения законодательством ущерба праву [Завадская].

В современном российском социуме, где элементы и структуры гражданского общества очень слабы, либеральная концепция правопонимания - далекий идеал. Однако даже если в обществе еще нет этого канала влияния на власть или он пока очень слаб, у разных групп граждан все равно существуют определенные представления о том, какие действия являются правовыми, а какие - неправовыми. Причем для трансформирующихся обществ в этом отношении характерны особенно глубокие различия между разными слоями и группами. Массовые представления о правовых (неправовых) законах, нормах, действиях, поступках определяют степень легитимности принимаемых властями юридических законов, постановлений, распоряжений. С этой точки зрения, легитимность закона означает положительное отношение к нему членов общества, поддержку его как гражданами, так и юридическими лицами. И наоборот, отрицательное отношение большинства людей к закону, его неприятие означают, что закон нелегитимен [Лившиц].

Критерий легитимности социальных действий, базирующийся на господствующих представлениях массовых групп о правовых (неправовых) способах поведения, относительно независим от фактического состояния и качества задаваемых властями формально-правовых норм, так как право не тождественно закону. Причем в периоды радикальных преобразований, когда еще не сложились одобряемые широкими массами образцы (нормы) социального действия, расхождение между этими феноменами особенно велико. Другая причина указанного расхождения состоит в том, что в это время в связи с огромной потребностью в новом законодательстве часто издаются законы, недостаточно проработанные, внутренне противоречивые, не согласованные с законами более высокого уровня либо заведомо не исполнимые в данных условиях. В то же время законы, в которых общество особенно нуждается, могут не приниматься годами. Отсюда - необходимость различать *неправовые* и *противозаконные* социальные практики.

Под *противозаконными практиками* мы понимаем совокупность устойчивых и массовых социальных действий (взаимодействий), связанных с нарушением действующих законов и других формально-правовых норм. В большинстве случаев противозаконные практики одновременно являются неправовыми. Однако в тех случаях, когда сами формально-правовые нормы носят неправовой, нелегитимный характер, практики, связанные с их нарушением, будучи противозаконными, могут восприниматься обществом как обоснованные, справедливые, правовые. В то же время возможны и такие ситуации, когда нарушение правовых норм не связано с нарушением закона. Они имеют место, к примеру, когда власти принимают законы неправовые (вплоть до мошеннических, типа залоговых аукционов), реализуют их в собственных эгоистических интересах, вызывая массовое возмущение граждан. Наконец, достаточно распространены ситуации, когда важные области общественной жизни, нуждающиеся в законодательном регулировании, фактически в силу разных причин оказываются не охваченными (или не полностью охваченными) законодательством и потому регулируются лишь социокультурными нормами. В таких случаях нарушение этих норм следует рассматривать как неправовое, хотя и не противозаконное.

Постсоветский трансформационный процесс не только охватывает все сферы общества, но и реализуется на разных **уровнях**, различающихся типами социальных субъектов и совершаемых ими действий, а также социальными механизмами и масштабами перемен. Под *макроуровнем* трансформационного процесса мы понимаем *системное преобразование институциональной структуры общества*, т.е. принципиальное изменение нормативно-правового пространства, или "правил игры", в экономической, политической и культурной сферах. Суть процессов, происходящих на этом уровне, на наш взгляд, состоит в борьбе различных социально-политических сил за реализацию отвечающих их интересам *вариантов (сценариев) преобразования институциональной структуры общества*.

Говоря о *мезоуровне* трансформационного процесса, мы имеем в виду *изменение отдельных институтов* в рамках таких крупных частей общества, как регионы, города, отрасли экономики и т.п. По сравнению с широко используемыми понятиями макро- и микроуровней понятие мезоуровня социальной реальности проработано слабо. Но для решения наших задач выделение этого уровня важно, так как без него было бы трудно понять механизмы связей между макро- и микроуровнями.

Микроуровень преобразования институциональной структуры общества мы трактуем как *качественное изменение базовых социальных практик*, т.е. устойчивых систем взаимосвязанного и взаимно ориентированного поведения социальных субъектов в важнейших сферах жизнедеятельности общества. Дело в том, что социальные практики представляют не что иное, как *формы функционирования институтов*, общей же формой реализации каждого института служит *совокупность* соответствующих *практик*. Как всякая сущность, институты глубже и устойчивей форм своей реализации. Поэтому практики могут меняться, не затрагивая сущности институтов, в то время как реальное (в противоположность формальному) преобразование институтов не может не влечь за собой изменения социальных практик. Причем степень их изменения служит наиболее надежным критерием глубины институциональных сдвигов.

Каждому уровню трансформационного процесса соответствует определенный **тип социальных акторов**. Но прежде чем охарактеризовать эти типы, остановимся на самом понятии актор. По отношению к нему можно поставить два вопроса. Первый касается соотношения понятий *социальный актор* и *социальный субъект*. В исследованиях трансформационных процессов они нередко употребляются как синонимы, но в действительности различаются по критерию отношения к социальному действию. Понятие *социальный актор* имеет смысл лишь в сцепке с конкретным действием (или действиями), в то время как понятие *субъект* акцентирует, скорее, рациональность сознания и поведения, способность индивида к реализации имеющегося у него свободного выбора [Козлова, Смирнова, 1995]. Таким образом, субъект становится актором только применительно к какому-то действию, а актор рассматривается как субъект лишь при наличии у него соответствующих характеристик сознания. В зависимости от требований, предъявляемых тем или иным исследователем к индивидам, признаваемым субъектами и акторами, в одних случаях оказывается, что выраженными свойствами субъектности обладает лишь некоторая часть акторов, а в других - что акторами конкретных действий является только часть субъектов.

Исходя из сказанного, в качестве *акторов трансформационного процесса* следует рассматривать *социальных субъектов, действия которых непосредственно вызывают или косвенно влекут за собой значительные сдвиги в базовых институтах общества* (независимо от осознания этого факта самими субъектами). Выделяемые по данному признаку акторы обладают разными уровнями субъектности, иными словами, характеризуются разной развитостью волевого и рефлексивного сознания, неодинаковой способностью к целерациональному поведению и сознательной реализации возможностей, открываемых индивидуальной свободой. При таком подходе

качеством социальной активности наделяется не только элита, но и массовые слои общества.

Другой аспект касается того, *субъекты какого уровня, масштаба, природы понимаются под акторами трансформационного процесса*. В принципе в этом качестве могут рассматриваться как индивиды, так и семьи, организации, различные производственные, корпоративные, локальные и региональные общности. Но в рамках данной работы мы будем относить понятие актор *исключительно к индивидам*. В частности, при рассмотрении трансформационной деятельности организаций в качестве ее акторов будут фигурировать собственники и менеджеры, равно как при анализе действий власти речь будет идти о ее представителях. Таким образом, понятия микро-, мезо- и макроакторов мы относим не к уровням и масштабам субъектов (от индивидов до макрообщностей), а к *уровням трансформационного процесса*, на которых действуют индивиды.

Социальными акторами макроуровня являются лица, стремящиеся влиять и *de facto* влияющие на выбор сценариев развития России, иными словами, участвующие в целевом преобразовании институциональной структуры общества. В основном это представители федеральной и региональных властей, в руках которых сосредоточена большая часть административно-правовых и экономических ресурсов общества, а также крупнейшие бизнесмены. Наряду с ними к этой группе следует отнести руководителей организованной преступности ("воров в законе"), как известно, поделивших между собой всю территорию России и оказывающих огромное влияние на ее экономическую и социальную жизнь.

Сущностная черта акторов мезоуровня - *выполнение функций социального посредничества между элитой и массовыми группами общества*. Типичные мезоакторы трансформационного процесса - собственники и менеджеры предприятий, фирм, руководители учреждений социальной сферы (директора школ, главные врачи больниц), ответственные работники региональных, отраслевых и локальных органов управления, командиры воинских частей и т.д. В отличие от правящей элиты, изменяющей нормативно-правовое пространство общества, мезоакторы участвуют в преобразовании общественных институтов путем осуществления разных социальных инноваций, главным образом на отраслевом и локальном уровнях.

Что касается акторов микроуровня, большинство которых составляют рядовые граждане, то они *изменяют социальные практики снизу* через механизмы выбора индивидуального поведения в пределах имеющейся у них свободы. Главный стимул их трансформационной активности - стремление, с одной стороны, сохранить привычные, удобные оправдавшие себя практики, а с другой - обновить и улучшить практики, не отвечающие их интересам.

Сфера действий микроакторов в основном ограничена нижним уровнем трансформационного процесса. Возможности же представителей более высоких слоев значительно шире. Так, лица облеченные руководящими функциями, реализуя индивидуальное поведение на микроуровне, одновременно могут осуществлять деятельность, затрагивающую интересы многих людей мезоуровня. Представители элиты могут участвовать во всех трех уровнях трансформационного процесса - как деятели государственного масштаба, одновременно выступающие и как руководители ведомств или владельцы частного бизнеса, и как индивиды, движимые личными или семейными интересами.

Таким образом, акторами микроуровня в принципе являются все россияне, выступающие в роли индивидуальных участников трудовых, потребительских, рыночных, сберегательных, электоральных и других социальных практик. Причем *личные* интересы макро- и мезоакторов весьма существенно отражаются на принимаемых ими государственных и ведомственных решениях (см. рис.). Затемненные элементы показывают, на каких уровнях трансформационного процесса могут действовать акторы каждого типа. Остановимся на уровнях трансформационного процесса и типах действующих на них акторов более конкретно.

Уровни трансформационного процесса	Типы акторов		
	Макро	Мезо	Микро
Макро			
Мезо			
Микро			

Рис. Уровни и акторы трансформационного процесса

Уровни трансформационного процесса и неправовые практики

Действия макроакторов, как правило, носят политико-правовой и (или) административно-экономический характер. В первом случае речь идет о преобразовании нормативно-правовой основы базовых институтов общества, во втором - о распределении материальных и финансовых ресурсов через механизмы государственного бюджета, управления государственным и частным секторами экономики, а также через действия "олигархов" как непосредственных агентов рыночной экономики. Если изменение правил игры корректирует характер общественных институтов, то управление финансовыми потоками во многом определяет возможности и условия функционирования институтов. Так, нищета правоохранительных органов, отсутствие у них прочной экономической базы, с одной стороны, ставит институты суда, адвокатуры и прокуратуры в зависимость от исполнительной власти, а с другой - способствует их разложению через распространение коррупции. В целом управление финансовыми потоками играет в трансформационных процессах вряд ли меньшую роль, чем реформирование правовой базы институтов.

Главный актив макроакторов, позволяющий направлять развитие общества в желаемую для них сторону, - законодательная исполнительная и судебная власть, открывающая доступ к экономическим и политическим ресурсам государства. Не случайно основная деятельность российских элит в последние годы была связана не с проведением модернизационных реформ, а с разделом властных и управленческих полномочий, организацией выборных кампаний, расстановкой кадров, укреплении исполнительной вертикали и контролем силовых структур. Тактика явно доминировала над стратегией. Результатом этого стало спонтанное развитие преимущественно негативных трансформационных процессов.

Особая роль макроакторов в трансформации общества определяется тем, что именно они устанавливают общие "правила игры", причем не только для остальных общественных групп, но и для самих себя. Они принимают новые законы и нормы, организуют их внедрение в практику, налаживают контроль за их выполнением. Это обуславливает центральную роль, а соответственно, и основную ответственность макроакторов за итоги трансформационного процесса. Между тем, по мнению социологов, генезис современной правящей элиты России не дает никаких оснований говорить о ее высоких качествах, скорее - наоборот. Похоже, что, принимая государственные решения, ее представители чаще исходят не из интересов общества (как бы они ни понимались), а из личных, семейных или групповых интересов, формирующихся на мезо- и микроуровнях. Поэтому макроакторам принадлежит заглавная роль не только в проведении модернизационных реформ, но и в распространении неправовых социальных практик.

К основным каналам неправовой деятельности правящей элиты, на наш взгляд, можно отнести:

- принятие низкокачественных, плохо проработанных, неэффективных нормативных актов (либо неполных, недостаточно конкретных, внутренне противоречивых, противоречащих актам более высокого уровня, либо нелегитимных, т.е. отвергаемых большинством общества);

- прямое нарушение представителями власти ими же принятых законов (например, закона о бюджете из-за нехватки средств и т.п.), индивидуальное или коллективное использование разных способов обхода законов, когда дело касается собственных интересов;

- нарушение якобы "в интересах государства" конституционных прав и свобод физических и юридических лиц (граждан и организаций), недобросовестное манипулирование электоратом в преддверии выборов через зависимые СМИ;

- целевое использование государственных правоохранительных и контрольных структур для борьбы с политическими и экономическими противниками;

- коррупция исполнительной и судебной властей, лоббистская деятельность законодателей, нелегитимное установление себе слишком высоких вознаграждений, привилегий, льгот и гарантий.

Напомним хотя бы о таких формах "реформаторской" деятельности макроакторов российского трансформационного процесса, как проведение залоговых аукционов; расхищение (мягко называемое "нецелевым расходом") гигантских кредитов, возвращать которые придется рядовым россиянам; мошенническая перекачка бюджетных средств на счета своих частных фирм; заключение заведомо убыточных международных сделок с "откатом" в пользу непосредственных участников; приватизация за бесценок (фактически - присвоение) перспективных промышленных гигантов и т.д. Чем выше уровень макроакторов и шире диапазон их деятельности, тем больший вред наносит обществу их неправоное поведение.

К мезоакторам трансформационного процесса мы относим людей, занимающих промежуточное положение в системе управления, т.е. выступающих одновременно и как управляющие, и как управляемые. Этот широкий внутренне иерархизированный социальный слой опосредует отношения правящей элиты с представителями базового и нижнего слоев общества. К мезоакторам можно, как нам кажется, отнести тех государственных чиновников, собственников и менеджеров предприятий и фирм, лидеров крупных неформальных сетей, чья социально-инновационная деятельность изменяет социальные условия, отношения и содержание жизни и работы заметного числа людей.

Инновационная деятельность мезоакторов - необходимое звено социального механизма воплощения предначертаний реформаторов в общественную практику. Главными ее направлениями служат: хозяйственное предпринимательство, освоение новых форм организации социальной сферы общества (образования, здравоохранения, культуры, спорта), создание самостоятельных гражданских структур, удовлетворяющих специфические потребности разных групп населения (негосударственных организаций, органов самоуправления, фондов, общественных движений и проч.), интеллектуальное обоснование, обсуждение и критика реформ, а также информационное обеспечение трансформационного процесса.

В отличие от макроакторов, представленных численно небольшой элитой, мезоакторы, принадлежащие в основном к средним слоям, достаточно многочисленны и рассредоточены по разным сферам общества, регионам и отраслям. От микроакторов они отличаются, во-первых, значительно меньшей численностью и, во-вторых, существенно большими социально-экономическими и культурными ресурсами.

Инновационная деятельность мезоакторов направлена в основном на повышение эффективности своих организаций. Однако, решая свои частные проблемы, они не только *осваивают и используют* предлагаемые властной элитой возможности, но активно *корректируют, дополняют, приспособливают* новые правила игры к собственным интересам. Причем, если реформаторская деятельность элит выражается, главным образом, в изменении формально-правовых норм, то инновационная деятельность средних слоев оказывает наибольшее влияние на трансформацию неформальных норм и правил. К тенденциям, вызванным активностью именно акторов мезоуровня, можно отнести, например: неуклонный рост доли частного сектора в большинстве отраслей экономики; массовое превращение менеджеров в собствен-

ников приватизированных предприятий: коммерциализацию институтов образования и здравоохранения; возникновение сотен тысяч негосударственных организаций; становление относительно независимых СМИ и многие другие.

В зависимости от обстоятельств инновационная деятельность мезоакторов может носить как конструктивный, так и деструктивный, как правовой, так и неправовой характер. Как показывает российский опыт, большинство мезоакторов, во-первых, умело используют в своих интересах ошибки и недолелки власти (особенно "дыры" в законодательстве и контроле), и во-вторых, отнюдь не чуждаются неправовой деятельности. Вот наиболее распространенные ее формы:

- обход невыгодных, неустраивающих законов и норм, в том числе путем организации соответствующих неформальных сетей, базирующихся на взаимной выгоде, чаще всего за счет государства. Примерами могут служить коллективная реализация сложных схем перекачки государственных денег на счета частных фирм и в зарубежные банки, а также осуществление множества других по существу мошеннических сделок, за которые формально нельзя привлечь к суду;

- распределение прибыли между предприятиями и государством согласно известному принципу "разделения вершков и корешков", когда в налогооблагаемой сфере остаются убыточные производства, в то время как выгодные и перспективные переводятся в сферу теневой экономики;

- с одной стороны, практически институционализированное вымогательство и взяточничество среднего звена государственного управления (чиновников, работников контрольных органов милиции, судов, прокуратуры), с другой - использование рядовыми мезоакторами взяток конкретным чиновникам как относительно приемлемого способа "откупа" от непомерных требований государства;

- нарушение всеми типами "начальников" (от руководителей фирм до работников ЖЭКов) прав и свобод подчиненных или зависящих от них граждан, осуществляемое через ведомственные инструкции, приказы, распоряжения, а нередко и через лично принимаемые решения. Одним из примеров может служить широко распространенная практика систематической задержки выплат зарплаты, связанная с ее "прокручиванием" в интересах работодателей;

- наконец, в современной России мезоакторы трансформационного процесса являются, по-видимому, наиболее активными субъектами организованного насилия и иных видов уголовной преступности, вплоть до заказных убийств.

Большинство **микроакторов** трансформационного процесса представлено рядовыми гражданами. Они не обладают практически никакими властными, экономическими, правовыми и административными ресурсами, которые обеспечивали бы им возможность сознательно участвовать в трансформации общества. В их распоряжении находятся лишь личные трудовые и культурные ресурсы (образование, профессия, собственная рабочая сила).

Основной механизм влияния микроакторов на трансформационный процесс - выбор индивидуального поведения в рамках имеющейся области свободы. Формируемое макро- и мезоакторами нормативно-правовое пространство определяет границы личной свободы микроакторов, но отнюдь не сводит ее к нулю. Акторы более высоких уровней формируют лишь тот *социально-правовой лабиринт*, в котором предлагается действовать рядовым членам общества. Последние же, выбирая конкретные способы поведения, в конечном счете определяют характер и содержание социальных практик, а следовательно, и общественных институтов. Даже если бы контроль макро- и мезоакторов за соблюдением установленных ими правил игры был более строгим, микроакторы все равно сохранили бы за собой определенную свободу выбора поведения, в том числе индифферентного отношения к новым правовым нормам или безнаказанного их нарушения.

На первый взгляд, трансформационная активность микроакторов кажется несвободной и малозначительной. Однако она, во-первых, носит исключительно массовый характер, и во-вторых, играет замыкающую роль во всей системе общественной

деятельности. Если деятельность макроакторов подобна работе мозга, а мезоакторов - нервной системы, передающей его сигналы организму, то функции микроакторов напоминают работу мышц.

Непосредственно формируя общественные практики, рядовые граждане оказывают не меньшее влияние на процесс реформирования, чем представители более высоких слоев. Между тем трансформационное поведение микроакторов базируется в первую очередь не на общественных или государственных, а на личных или семейных интересах, что чревато потенциальным конфликтом между актерами разных уровней. Для того чтобы его избежать, власть должна согласовывать содержание и направление реформ с состоянием общественного сознания и интересами массовых групп. Общество будет воспринимать проводимые ею реформы позитивно лишь при условии, что новые правила игры, права и свободы будут востребованы большинством его членов, а связанные с ними новые ограничения - приняты микроакторами как обоснованные, справедливые или же неизбежные.

В современной России эти условия не выполняются в силу по крайней мере двух обстоятельств. Во-первых, в настоящее время микроакторы сильнее ощущают нехватку ряда дореформенных прав, чем заинтересованность в новых правах. Особенно ярко это выражено в селе. Так, 42% опрошенных нами селян утверждают, что их вполне устраивали прежние права, и *никакие новые права им не нужны* (в городе таких - 11%). Ни одно из провозглашенных в ходе реформ прав для большинства селян пока не является значимым. Наибольшая доля (29%) респондентов позитивно оценила возможность приватизировать жилье, по отношению же к остальным новым правам доля позитивных оценок не превышала 20%. В городе ситуация оказалась гораздо более благоприятной, однако пятидесятипроцентный барьер и здесь преодолело только право приватизировать квартиру, приобретать и иметь в личной собственности жилье (58%). Напротив, на потерю ранее существовавших и значимых для них прав указывает большинство населения. Лишь 15% опрошенных считают, что за годы реформ они не потеряли никаких важных прав, а только приобрели новые. Еще 28%, хотя и утратили некоторые значимые права, но приобретения оценивают выше потерь. В то же время более половины (55%) респондентов либо не обрели никаких значимых прав (19%), либо утратили более важные по сравнению со вновь полученными (36%).

Во-вторых, современные институционально-правовые предпочтения микроакторов *внутренне противоречивы*: они хотели бы обрести новые либеральные права, не потеряв старых прав-гарантий, что далеко не всегда возможно. В крупном городе от всех новых прав готовы были бы отказаться 12,5% респондентов, а в сельской местности - почти половина. В целом, массовые группы россиян почувствовали себя в результате реформ более бесправными, чем прежде. Утрата ряда значимых прав, будучи формально освященной законом, воспринимается основной массой населения как нелегитимная, "неправовая". Основная часть микроакторов внутренне не принимает ни нового нормативно-правового пространства (правил игры, условий, прав и свобод), ни многих новых, формально-правовых способов действий мезо- и макроакторов.

Неактуальность и нелегитимность новой системы прав и свобод в глазах массовых групп становится важным фактором формирования неправовых практик. Это связано с ослаблением общественного (горизонтального) контроля исполнения правовых норм, воплощенных в ролевых ожиданиях. Поскольку новые ролевые ожидания не соответствуют правовым и моральным нормам, разделяемым многими индивидами, ролевые отклонения не сказываются отрицательно ни на оценке индивидами своих собственных неправовых действий, ни на оценке подобных действий со стороны "значимых других". Общественный контроль "снизу" за выполнением новых правил, т.е. правопослушности поведения окружающих, сегодня чрезвычайно слаб, престиж закона и других формально-правовых норм весьма невысок. По данным наших обследований, нарушение правовых норм становится одним из основных видов реактивно-адаптационного поведения разных групп населения. Например, мелкие хищения на

производстве, совхозном поле, стройке не осуждают в селе 65%. а в крупном городе - 62% опрошенных.

Основными направлениями неправовой активности микроакторов, на наш взгляд, являются:

- уклонение от уплаты налогов на личные доходы и соучастие в уклонении от уплаты налогов с организаций - через получение заработной платы без соответствующей документации (наличными деньгами, через механизмы страхования, материальной помощи и проч.);

- работа без требуемого оформления на основе устной договоренности с работодателем, в том числе в нелегальных (теневых) цехах и производствах:

- нелегальные трудовые практики учителей, врачей, инженеров, переводчиков и проч., базирующиеся на ресурсах государственных организаций:

- получение пособий по безработице при наличии нелегальной работы;

- злостное невыполнение служебных обязанностей, ведущее к тяжелым экономическим и социальным последствиям;

- мелкое воровство у государства, организаций, а иногда и у коллег, соседей, знакомых;

- физическое насилие и хулиганство (от избиения детей и женщин в семьях до "профессионального" занятия разбоем, ограблением квартир и дач, заказными убийствами).

Из сказанного следует, что успешность реформирования институциональной структуры общества зависит от усилий (установок, возможностей) акторов всех трех уровней: макро-, мезо- и микро-. Стремясь реализовать свои *цели и интересы*, они используют доступные в их социальных позициях ресурсы и вносят свою лепту в формирование новых или сохранение старых *правил игры, прав и свобод*. Причем делают это не изолированно, а в тесном взаимодействии друг с другом. Конкретное содержание, формы и эффективность взаимодействия макро-, мезо- и микроакторов трансформационного процесса характеризуют тип его социального механизма.

Неправовые взаимодействия акторов разного уровня

Взаимодействия акторов, функционирующих на разных уровнях трансформационного процесса, носят сложный, противоречивый характер. В их основе лежат, с одной стороны, невозможность решать общенациональные проблемы без взаимопонимания и сотрудничества верхов и низов, а с другой - различия, а нередко и противоположность интересов разных групп и слоев. Такие противоречия имеют место между элитными и внеэлитными группами, правопослушными гражданами и представителями преступного мира, чиновниками и их вынужденными просителями, работниками ведомств и руководством подчиненных им предприятий, собственниками (менеджерами) и наемными работниками, а косвенно - между жителями центра и периферии, города и села, крупных и малых городов. Каждая из сторон этих отношений стремится реализовать свои интересы любыми приемлемыми для нее средствами, в результате чего их взаимодействия часто приобретают конфликтный характер.

Трансформационная активность макроакторов оказывает решающее влияние на социально-экономическое положение, условия и способы действий мезоакторов. Преобразуя институционально-правовое пространство, макроакторы очерчивают новое поле собственной политико-управленческой деятельности (направления, пределы и способы управленческих воздействий), а тем самым и текущей деятельности мезоакторов. Используя свои властные и административно-правовые ресурсы, они изменяют нормативно-правовую среду деятельности мезоакторов, регулируют область их прав и свобод, равно как уровень и формы ответственности. Опираясь на силовые и правоохранительные структуры, акторы макроуровня принудительно внедряют новые правила и нормы в социальную практику (осуществляют так называемый *enforcement*), организуют правовой и административный контроль выполнения своих

предписаний. Через распределение бюджетных средств, систему налогообложения, регулирование рыночных механизмов, а также предоставление индивидуальных лицензий, льгот, привилегий они определяют экономические условия деятельности мезоакторов. Наконец, для последних безразличны и крупные политические решения макроакторов (такие, как о создании федеральных округов, о государственном союзе с Белоруссией или о новом этапе чеченской войны).

Серьезное влияние на жизнедеятельность мезоакторов оказывают и крупнейшие бизнесмены - хозяева экономических империй, среди которых встречаются откровенные преступники. Они устанавливают неформальные, но тем не менее обязательные для мезоакторов правила экономической игры, определяют суммы, которые те обязаны платить "за безопасность" своих предприятий и фирм, предписывают определенное, в том числе неправоное поведение на рынке, т.е. во многом управляют их хозяйственной деятельностью. Это один из важных каналов распространения неправоных способов поведения.

Не следует забывать и о том, что элита, к которой относится большинство макроакторов, задает остальной части общества образцы поведения. Поэтому совершаемые ее представителями крупномасштабные неправоные действия как бы санкционируют, быть может, более безобидные, но гораздо более массовые неправоные практики на мезоуровне. Не случайно русская пословица гласит, что "рыба гниет с головы": нелегитимная деятельность правящих слоев - важнейший фактор распространения неправоных практик на всех уровнях российского общества.

Однако зависимость акторов среднего уровня и вышестоящих групп нельзя признать односторонней. Дело в том, что успех проводимых властями реформ зависит от того, как они будут восприняты и претворены в жизнь акторами мезоуровня, реакции которых на изменение правил игры могут носить различный характер, начиная с полной поддержки и кончая саботажем. Поэтому акторы макроуровня вынуждены предварительно обсуждать свои планы с влиятельными акторами мезоуровня и вносить предлагаемые ими коррективы. Не случайно Союз российских промышленников и предпринимателей, представляющий коллективные интересы значительной части акторов мезоуровня, приобретает все больший политический вес. Важным каналом обратного влияния мезоакторов на представителей элиты служит экономическая поддержка их представителей на выборах, а также лоббирование органов исполнительной и законодательной власти и т.д.

В настоящее время в "новых" правилах игры нередко проявляются старые модели решения проблемных ситуаций, унаследованные от административно-командной системы. Так, правовые взаимоотношения субъектов разного уровня подменяются личными договоренностями, в рамках которых мезоакторы вынуждены "просить" и "подносить", а макроакторы имеют возможность милостиво "принимать дары" и избирательно "оказывать помощь"². В частности, тот факт, что в настоящее время почти 90% регионов - дотационные, вынуждает представителей местных властей, как и прежде, приезжать в Москву "на поклон" к распределяющим деньги чиновникам.

В отношениях макро- и мезоакторов с себе подобными и друг с другом активно развиваются взаимовыгодные неправоные взаимодействия. Причем степень их выгоды для разных участников определяется соотношением сил и ресурсов (экономическим, политическим и силовым потенциалом, а также криминальным влиянием). Так, чиновники верхнего и среднего уровней часто солидаризируются друг с другом в незаконном расходовании бюджетных средств, заключении заведомо убыточных для государства сделок, продаже на невыгодных государству условиях объектов его

² Показателен в этом отношении опыт бывшего вице-премьера правительства РФ, курировавшего сельское хозяйство, Л. Заверюхи. Он на себе испытал все чиновничьи преграды, решив после отставки заняться фермерством: "4 месяца пришлось потратить, чтобы получить все бумаги. В бытность работы в Москве я знал, что чиновники чинят фермерам преграды, но чтобы такие... Каждый хочет показать, что он тут самый главный". Последнюю необходимую подпись у директора хозяйства Заверюха получил лишь послетого, как прибегнул к физической угрозе ("Аргументы и факты". 1998. № 11

собственности, принятии и реализации неправовых постановлений и т.д. В подобных сделках участвуют и правоохранительные органы, охотно признающие "черное" "белым", или наоборот.

Мезоакторы попадают в неправовое пространство и в результате безучастности (беспомощности) государственных структур в защите их прав. Это вынуждает руководителей многих организаций принимать правила игры, навязываемые им противоправными действиями представителей криминального мира. Социологические опросы свидетельствуют, что до 40% руководителей предприятий лично сталкивались со случаями рэкета, вымогательства, с попытками поставить предприятие под контроль преступных групп [Косалс, 1999]. В целом трансформационная активность современной российской элиты как коллективного макроактора трансформационного процесса содействует, скорее, распространению и институционализации неправовых практик, нежели их искоренению.

Акторы макроуровня определяют степень конституционных прав и свобод **микроакторов**, регулируют уровень и механизмы их практической реализации, проводят отраслевую и территориальную реструктуризацию системы рабочих мест. На положении населения сказываются и общие результаты экономической политики - рост или падение производства, соотношение доходов и цен, темпы инфляции, уровень безработицы, масштабы вывоза капитала, инвестиционная политика и т.д. Проводимая правящей элитой социально-экономическая политика определяет условия оплаты жилищно-коммунальных услуг, возможности получения образования, доступность и качество медицинских услуг, уровень социальной защиты слабых групп населения и т.д.

Не в меньшей степени влияет на жизнедеятельность **микроакторов** активность руководителей **мезоуровня**. Дело в том, что реальные права и свободы граждан России до сих пор определяются не столько Конституцией или Кодексом законов о труде, сколько усмотрением начальства. В *экономической* сфере воздействие мезоакторов на положение и поведение рядовых россиян реализуется через регулирование цен на потребительские товары и услуги, создание или ликвидацию рабочих мест, определение условий труда и занятости, уровня и регулярности выплаты зарплаты и т.д. В *социальной* сфере оно осуществляется через кадровую политику фирм, пенсионное обеспечение, условия предоставления образовательных, медицинских и культурных услуг, а в *административной* - через отношение чиновников к гражданам, находящее выражение в массовых практиках государственного управления и правосудия. Совокупность этих условий существенно ограничивает свободу микроакторов, хотя и не устраняет ее как таковую.

О результатах трансформации отношений господства-подчинения (в дореформенный период - базовых) можно судить по тому, какие типы социальных взаимодействий между начальствующими и рядовыми акторами доминируют в современных условиях, закрепляясь правовыми и неправовыми практиками. На характере взаимодействий рядовых граждан с верхними и средними слоями сказались, прежде всего, *кардинальные изменения в системе формально-правовых норм, осуществленные пришедшими к власти макроакторами*. Были провозглашены и начали реализовываться новые экономические и политические права либерального образца, которые, как отмечалось, не просто добавились к прежним ("административно-командным" или "патерналистским"), а вытеснили ряд дореформенных прав и гарантий. В самом деле, государство больше не гарантирует доход хотя бы в размере прожиточного минимума. Исчезла и государственная гарантия занятости, которую раньше имели жители большинства регионов страны. Забыты устанавливавшиеся государством стабильные цены, сузились права граждан на получение бесплатной медицинской помощи, бесплатного образования и др. Намного усилилась зависимость работников от работодателей - собственников предприятий и фирм, руководителей учреждений. Бесправнее стали люди и по отношению к чиновникам.

Осуществленное правящей элитой изменение институционального пространства формально задало актерам микроуровня *новые правила игры*. Они были закреплены в системе правовых норм, определяющих возможности экономической и гражданско-политической активности микроакторов, достижения ими своих жизненных целей, реализации интересов.

Однако правовое сопровождение и обеспечение новых правил игры существенно отставало и отстает от их формального провозглашения. Государственный контроль соблюдения правовых норм не только не усилился, но существенно ослабился. Это привело к тому, что многие микроакторы, для которых новые права оказались значимыми, либо совсем не смогли ими воспользоваться (до 45%), либо вынуждены были делать это в неправовом социальном пространстве. Кроме того, значительная часть микроакторов (46% в городе и 30% в селе) не воспользовались важными для них новыми правами потому, что не имели достаточных денежных накоплений, связей, возможностей получения кредитов и т.п. Причем эти препятствия были в немалой степени порождены самими установленными макрореформаторами правилами игры, в частности неоднократной утратой микроакторами своих экономических ресурсов. Только за последние 3-4 года 44% респондентов столкнулись с потерей личных сбережений, хранившихся в банках, 66% - с нарушением права на своевременное получение заработной платы и др.

Не сложились надежные механизмы реализации и политических прав граждан. Выборы на альтернативной основе сочетаются с манипулированием поведением избирателей, с давлением на кандидатов, с нечестными методами подсчета голосов. Территориальная децентрализация управления нередко граничит с феодализацией страны из-за слабого развития структур гражданского общества, местного самоуправления и др. "Свободные" СМИ отстаивают, прежде всего, интересы своих владельцев, а гражданские ассоциации, ставящие универсальные цели, малочисленны и слабы [Стратегия... 2000].

На характере взаимодействий макро- и мезоакторов с рядовыми россиянами сказывается и то, что новые правила игры пока еще *нестабильны*, изменчивы и в основном *неформальны*. Эта особенность современного институционального пространства способствует устойчивому воспроизводству отношений неформальной зависимости нижестоящих от вышестоящих и аккумулирует ряд важных черт трансформирующейся институциональной среды. Первая из них - нестабильность официальных правил игры, связанная не столько с процессом их отлаживания, сколько с отступлениями от первоначально заявленных правил. Вторая черта - необычно большая роль личностной неформальной компоненты, вносящая элемент неопределенности в формальные правила игры. Устойчиво воспроизводясь, она становится важным атрибутом институционального пространства. Отчасти это объясняется тем, что реформы осуществлялись номенклатурой, "партийная закалка" которой обнаруживала себя в волевом решении многих вопросов. Власти разных уровней и в новых условиях продолжают демонстрировать свою волю, "царственным жестом" давая неоправданные поблажки одним и воздвигая необоснованные запреты другим. Третья черта - широкое распространение неформальных норм трудовых взаимодействий не только в теневом, но и в открытом секторе экономики.

Еще одна важная, едва ли не определяющая, черта социальных взаимодействий между управляющими и управляемыми членами нашего общества состоит в том, что *власти разных уровней повседневно и повсеместно нарушают права рядовых граждан и уверенно лидируют среди правонарушителей*. Причем такое поведение остается безнаказанным даже в тех случаях, когда неправовые действия осуществляются совершенно открыто. Как показало наше исследование, нарушителями своих законных прав респонденты чаще всего называют представителей центральных властей (59%). Следом идут руководители предприятий, организаций и фирм (45%), местные органы власти и органы правопорядка - милиция, ГИБДД, прокуратура и др. (по 35%). Сегодня среди нарушителей прав россиян органы правопорядка встречаются

почти вдвое чаще, чем правонарушители, с которыми эти органы призваны бороться (35% против 19%).

Между тем *протестно-защитный потенциал* рядовых акторов, сталкивающихся с нарушением формальных правил игры, *очень слаб*. Вопреки расхожему мнению о правовой пассивности и чрезмерном долготерпении российских граждан, 66% опрошенных все же предпринимали какие-то действия, направленные на восстановление своих законных прав. Однако для абсолютного большинства (73%) пытавшихся сопротивляться они чаще всего были напрасными. Успех обычно сопутствовал только тем, чьи права нарушались людьми, занимавшими сходные социальные позиции. Отстоять же законные права, если их нарушали руководящие работники, удавалось очень немногим: 2-3% - в случае нарушения прав на своевременное получение заработной платы и детских пособий; 8% - при несоблюдении нормативов техники безопасности, а также режима и условий труда; 14% - в случае несправедливого увольнения или угрозы увольнения в ответ на попытку отстаивать свои права. Из числа же пострадавших от незаконных действий органов правопорядка добиться справедливости сумели лишь 6%.

Почему же отказываются от защиты своих прав одни микроакторы и так малоэффективны действия других? Одна из причин этого - бесспорно, лидерство властей среди субъектов неправовых действий. Другая причина состоит в том, что в современных условиях люди часто вынуждены отстаивать свои права самостоятельно, не рассчитывая на помощь тех, кто формально обязан ее оказывать. Вообще, защита своих прав сегодня - дело индивидуально-семейное и, как правило, неформальное. Наиболее массовые помощники здесь — друзья и родственники (26% и 25%, соответственно). Наконец, сказывается и слабость элементов и структур гражданского общества.

В таких условиях значительному большинству микроакторов, по существу, не остается ничего иного, кроме как *приспосабливаться* доступными способами к существующей ситуации, включая ее неправовые аспекты. Опросы общественного мнения постоянно фиксируют тенденцию к адаптации как *наиболее массовую и привычную*: "средний", "массовый" человек даже в условиях кризисов и катастроф другого ориентира не имеет [Левада, 1999].

При отсутствии надежных институциональных противовесов произволу властей во взаимоотношениях макро- и мезоакторов с микроакторами доминируют *конфликтные* неправовые взаимодействия. Постепенно развиваются и *взаимовыгодные* неправовые практики: получение части заработной платы "не по ведомости"; попустительское руководство противозаконным действиям рядовых акторов ("начальство ворует, но и нам дает крутиться"). Однако и в конфликтных, и в относительно взаимовыгодных неправовых отношениях населения с властью, без сомнения, доминирует *зависимость* первого от второй, как это случается "всюду, где дано неравенство сил или прав, где судьба и жизнь одних поставлена в *одностороннюю зависимость* от воли или каприза других" [Сорокин, 1991, с. 9]. Причем все большее погружение социальных отношений между иерархическими слоями в неправовое пространство делает зависимость рядовых граждан от любых представителей власти еще более тяжелой и унижительной.

Механизмы и перспективы воспроизводства неправовых социальных практик в России

Подытоживая, можно сказать, что, несмотря на *незавершенность* институциональных преобразований, *нестабильность* официальных правил игры и их *нелегитимность* для большей части акторов, современное институциональное пространство существенно отличается от дореформенного. Это произошло благодаря тем шагам, которые были сделаны по формированию новых экономических и политических

институтов. Вместе с тем степень продвижения к институциональному пространству западного образца отнюдь не такова, как могло бы показаться, если судить по формальным признакам наличия тех или иных институтов. В современном институциональном пространстве, бесспорно, есть и новое (прогрессивное), и старое (неизбежно сопутствующее трансформациям любых общественных систем). Проблема же, как мы пытались показать, состоит, прежде всего, в том, что как то, так и другое погружено в неправовое социальное пространство, усиливающее недостатки (ограничения) старого и придающее искаженное содержание новому.

Три основных системообразующих института общества - экономика, политика и право - в ходе современных реформ подверглись преобразованиям в неодинаковой степени и не одновременно. Сегодня в самом удручающем положении находится именно право. Неправовые практики густо пронизывают все элементы и связи институциональной системы современного российского общества. Отставание права от других институтов не только сказывается на пределах и направлениях трансформации последних, но и снижает возможности больших групп рядовых микроакторов адаптироваться к новым условиям. Но коль скоро неправовые практики - одно из "узких мест" институциональных трансформаций, можно ли считать столь широкое их распространение неизбежным или же его можно ограничить средствами социально-экономической политики?

Анализ особенностей институционального пространства российского общества позволяет заключить, что в нем неправовые практики имеют два "институциональных" источника. Один связан с противоречиями и несоответствиями во внутренней структуре подлежащего трансформации социального института как такового. Другой - с особенностями конфигурации социальных институтов, которая имеется в данный момент времени. Оба этих источника взаимосвязаны и в условиях кардинальных изменений, действуя одновременно, усиливают друг друга.

Как известно, каждый легальный социальный институт состоит из нескольких элементов: *формальных* (правовых и административных) норм и правил, провозглашаемых властями; *правовых механизмов* их реализации, включая государственный и общественный контроль за выполнением установленных норм и правил; *неформальных норм*, укорененных в культуре данного общества (установления и правила типа "так должно", "так принято", "так все поступают"). Изменение этих элементов относительно независимо друг от друга, и каждый вносит свою лепту в трансформацию данного института. Чем сильнее они поддерживают друг друга, тем успешнее трансформация института; и напротив, рассогласованность их динамики может существенно затруднить институциональные преобразования и даже придать им противоположный "знак". В этом смысле успешность институциональных трансформаций зависит от усилий (установок, ресурсных возможностей) акторов всех трех уровней: и макро-, и мезо-, и микро-.

Явные несоответствия во внутренней структуре подлежащих трансформации социальных институтов, как было показано выше, в современных условиях сами по себе становятся важными источниками неправовых практик. Прежде всего, это: существенное отставание (и существенное ослабление за годы реформ) *вертикального* контроля со стороны макро- и мезоакторов за соблюдением правовых норм; ослабление *горизонтального* контроля за правильностью исполнения правовых норм, воплощенных в новых ролевых ожиданиях, в связи с неактуальностью и нелегитимностью провозглашенных в ходе реформ прав для больших групп микроакторов; *противоречивость и неустойчивость* ролевых ожиданий из-за того, что в условиях кардинальных общественных перемен в институционально-правовых предпочтениях значительных групп соседствуют не всегда совместимые элементы, и др.

Наряду с внутренними противоречиями и несоответствиями во внутренней структуре подлежащих трансформации социальных институтов, не менее важным "институциональным" источником неправовых практик являются особенности *конфигурации*

социальных институтов, наличествующей в данный момент времени в обществе. Именно эта конфигурация придает институциональной системе вообще и каждому институту в отдельности определенное качество. Она очень важна для осмысления возможностей ослабления либо, напротив, перспектив расширения и институционализации неправовых практик.

Одной и той же конфигурации власти и собственности могут отвечать принципиально различные качества структур гражданского общества и прав человека. Можно, например, укрепить исполнительную власть или быстро трансформировать отношения собственности, но сделать это за счет ущемления экономических и политических прав граждан, на основе унаследованных из прежней, административно-командной системы правил игры. Поэтому для трансформирующегося российского общества, где "на входе в реформы" доминировали отношения господства-подчинения, особо велика важность *одновременного* присутствия (формирования) ряда базовых институтов: легитимной, демократической и эффективной власти; легитимной и защищенной собственности; зрелого гражданского общества; широких и надежных прав и свобод человека.

Несоответствия в конфигурации базовых институтов - важный источник (и результат) неправовых практик. Подобного рода несоответствия, как мы видели, проявляются в таких особенностях современного институционального пространства, как: массовые нарушения имеющими власть макро- и мезоакторами законных прав рядовых микроакторов; слабость протестного потенциала рядовых акторов, столкнувшихся с нарушением формальных "правил игры"; нестабильность, изменчивость "правил игры", их неформальность. В этих условиях неизбежное (в силу инерционности, свойственной любым общественным трансформациям) воспроизводство старых ("административно-командных") правил игры также обретает новое качество и само по себе становится важным источником неправовых практик.

Об устойчивости неправовых практик свидетельствует их "социальное распределение". В группе макро- и мезоакторов (а также в их отношениях друг с другом) активно развиваются *взаимовыгодные* неправовые взаимодействия. Степень взаимовыгодности определяется соотношением сил их участников (экономическим и политическим потенциалом, криминальным влиянием и др.). Во взаимоотношениях же макро- и мезоакторов с рядовыми микроакторами доминируют *конфликтные* неправовые взаимодействия (сказывается отсутствие в обществе надежных институциональных противовесов произволу властей).

Другой показатель устойчивости неправовых практик состоит в том, что не только у властей, но и у рядовых групп, как показали исследования, отклонение от правовых норм уже превращается в норму, активно проникая в институты социализации молодого поколения. Так, многие рядовые микроакторы (на селе более 2/5) хотят, чтобы их дети и внуки не испытывали "комплекса вины", когда нарушают правовые нормы, критически относились к законам и, если нужно, не боялись отступать от них, ибо "законные решения редко решают человеческие проблемы". Выжившие в неправовом социальном пространстве предприниматели не только научились, но и уже привыкли утаивать доходы.

Таким образом, неправовые взаимодействия не просто широко распространены в современном трансформационном процессе в России: идет активный процесс их *институционализации*, т.е. превращения в устойчивый, постоянно воспроизводящийся феномен, который, интегрируясь в формирующуюся систему общественных отношений (экономических и неэкономических), становится нормой (привычным образцом) поведения акторов самых разных уровней и постепенно интернализуется ими. Противоречия и несоответствия в институциональной системе реформируемого общества, выступая важным источником неправовых практик, постепенно втягивают неправовые практики в свою орбиту, делая их элементом институциональной системы. В свою очередь, неправовые практики сегодня выступают мощным барьером для институционализации провозглашенных в ходе реформ либерально-демократических

прав. Они вносят существенную лепту в поддержание механизмов "отчуждения от новых прав", "отложенного спроса на новые права", "неправовой реализации новых прав", "воспроизводства либеральных прав на административно-командной основе" и т.д.

Будучи вплетенными по столь многообразным каналам в институциональную систему трансформирующегося общества, неправовые практики, разумеется, не могут исчезнуть по простому указу "сверху". Нет оснований и для другой крайности - целиком объяснить рост неправовых практик закономерностями переходного периода. В переходных обществах всегда важна *степень, мера*. Анализ институциональных источников расширения неправовых практик свидетельствует, что оно, хотя и является неизбежным в периоды крупных общественных преобразований, в нашем случае усиливало и искусственно. Ослабление неправовых практик может быть лишь очень постепенным и служить следствием продуманной экономической и социальной политики, которая учитывала бы интересы и возможности акторов всех уровней и способствовала бы ослаблению несоответствий как в конфигурации новых социальных институтов, так и между отдельными элементами каждого из них. Речь идет и о структурно-производственной, инфраструктурной, институционально-правовой подготовленности реформ, и о том, что изменения в системе прав и правил игры (какими бы прогрессивными они ни были) должны готовиться культурно и идеологически (или, на худой конец, хотя бы сопровождаться культурными и идеологическими мобилизациями), чтобы стать легитимными для большинства членов общества.

Возможные сценарии развития России и перспективы вытеснения неправовых практик

Постепенное вытеснение неправовых практик - необходимое условие формирования правового демократического государства. Однако пока Россия движется, скорее, в противоположную сторону. Перспективы этого процесса зависят от того, по какому пути пойдет дальнейшая трансформация российского общества, т.е. какие социальные силы возьмут верх в борьбе за выбор того или иного пути. Вокруг каких же сценариев дальнейшего развития России ведется сейчас борьба на макроуровне трансформационного процесса? Какие сценарии поддерживаются наиболее сильными акторами и наиболее вероятны, а какие вряд ли реальны? В порядке первого приближения назовем следующие альтернативы.

Авторитарно-силовой сценарий, предполагающий резкое усиление государства, повышение роли силовых структур, ужесточение контроля над рыночным сектором экономики, расширение репрессивных и сужение демократических практик, а следовательно, еще большее усиление тенденции к нарушению прав граждан всеми звеньями власти.

Консервативно-государственный сценарий, означающий формальное сохранение рыночных отношений и демократических процедур при значительном усилении контрольных функций бюрократии в экономике и других сферах общественной жизни. В этом случае можно надеяться хотя бы на медленное движение в сторону правового государства.

Олигархический сценарий, предполагающий воспроизводство в новых формах того сугубо неправового квазидемократического и квазирыночного режима, который сложился в период правления Ельцина и получил название "нового смутного времени". Реализация этого сценария означает дальнейшее расширение и институционализацию неправовых отношений, в конечном счете грозящие превращением России в теневое полукриминальное общество.

В реализации каждого из этих сценариев заинтересованы мощные социальные силы. В первом случае - это силовики и прокоммунистическая часть бюрократии; во втором - рациональная бюрократия и легальный бизнес; в третьем - олигархический капитал, коррумпированная бюрократия, теневой и криминальный бизнес. Тот факт.

что среди акторов всех сценариев важное место занимают представители бюрократии, объясняется тем, что в настоящее время это наиболее мощная социальная сила России.

В российском обществе есть социальные группы, поддерживающие сценарии, в большей мере ориентированные на становление **правового государства**, в частности **либерально-демократический** и **социал-демократический**. Первый из них предполагает развитие либеральной рыночной экономики, а второй - партнерство труда и капитала под эгидой надклассового государства в сочетании с регулируемым конкурентным рынком. Для постепенного ослабления неправовых практик наиболее желательным было бы движение России именно в названных направлениях. Однако акторы, заинтересованные в реализации демократических сценариев, представлены в основном на микро- и мезоуровнях и потому не оказывают заметного влияния на выбор принципиальных путей развития общества.

Социологические опросы показывают, что большинство населения не одобряют реформаторские действия власти, хотя внешне не оказывают им сопротивления. Массовые движения протеста набирают заметную силу лишь в чрезвычайных ситуациях. Иногда из этого делают вывод, что современная социальная ситуация не препятствует проведению дальнейших реформ без оглядки на "консервативные настроения" и скрытое сопротивление общества. Более того, существует мнение, что большинство россиян не обладают рациональным сознанием и потому не могут осознать своих истинных интересов. Когда же они дозреют до их понимания, то испытают благодарность к тем, кто вывел их на правильный путь. На наш взгляд, это опасная установка, означающая воспроизводство традиционного для России противопоставления "мудрой и дальновидной власти" "неразумному обществу". Между тем существенно ослабить неправовые практики и продвинуться в сторону правового демократического государства-общества можно, лишь принимая во внимание интересы и поведенческие реакции не только макро- и мезо-, но и микроакторов трансформационного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Валицкий А.* Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX - начала XX века // Вопросы философии. 1991. № 8.
- Завадская Л.Н.* Механизм реализации права. М., 1992.
- Капелюшников Р.* "Где начало конца?.." (К вопросу об окончании переходного периода в России) // Вопросы экономики. 2001. № 1.
- Ключевский В.О.* Афоризмы. Исторические портреты. Дневники. М., 1993.
- Клямкин И.М., Тимофеев Л.М.* Теневое общество. М., 2000.
- Козлова Н.Н., Смирнова Н.М.* Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация // Социологические исследования. 1995. № 11.
- Косалс Л.* Между хаосом и социальным порядком // *Pro et Contra*. 1999. Т. 4. № 1.
- Левада Ю.А.* 1989-1998: десятилетие вынужденных поворотов // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. М., 1999.
- Лившиц Р.З.* О легитимности закона // Теория права: новые идеи. Вып. 4. М., 1995.
- Малеин Н.С.* О законности в условиях переходного периода // Теория права: новые идеи. Вып. 4. М., 1995.
- Нерсесянц В.С.* Наш путь к праву: от социализма к цивилизму. М., 1992.
- Неформальная экономика: Россия и мир. М., 1999.
- Рыбкина Р.В.* От теневой экономики к теневому обществу // *Pro et Contra*. 1999. Т. 4. № 1.
- Сорокин П.* Система социологии. Т. 1. Социальная аналитика. Ч. 2. Сыктывкар, 1991. Стратегия для России. М., 2000.
- Теневые отношения // *Pro et Contra*. 1999. Т. 4. № 1.
- Трансформация экономических институтов в постсоветской России. М., 2000.
- Шабанова М.А.* Социология свободы: трансформирующееся общество. М., 2000.